

Рутенберг Пинхас (Петр) Моисеевич (1878-1942), революционер, сионистский деятель. Пинхас родился 24 января 1878 года в городе Ромны Полтавской губернии в семье купца 2-й гильдии Моисея Рутенберга. Мать - дочь раввина Пинхаса Марголина из Кременчуга. В семье было семеро детей: четыре дочери и три сына.

В детстве, как все еврейские дети, он обучался в хедере.

В одиннадцать лет Пинхас поступает в реальное училище (сейчас Роменская средняя школа №2).

Здесь он проявляет необычные способности к математике; там же он впервые знакомится с социалистическими идеями. Восемнадцатилетний Рутенберг отправляется в столицу и, преодолев процентную норму, которая ограничивала число евреев, желающих учиться в гимназии и в университете, поступает в Петербургский технологический институт.

В столице он сближается с социалистами, себя он характеризует в те годы, как человека, близкого к русской культуре и российскому национальному духу, «русского интеллигента» и «идеолога российского пролетариата». По воспоминаниям одного из лидеров партии эсэров Бориса Савинкова, Рутенберг в те годы состоял в группах «Социалист» и «Рабочее Знамя», он подвергался преследованиям тайной полиции. Деятельность подобных кружков носила скорее академический характер, но многие молодые люди, и Рутенберг среди них, стремились и к реальной политической активности. В результате Рутенберг сблизился с партией социалистов-революционеров.

Рутенберг поступил в институт в 1898 году и окунулся в совершенно новую для него среду. Эта среда увлекла молодого человека, открыла глаза на происходящее в стране. Следствием этого явились и далее продолжились серьезные изменения в его восприятии себя, как еврея. Вот, что он сам пишет: "Как и большинство еврейской учащейся молодежи моего поколения, молодежи из черты оседлости, я должен был преодолевать "нормы" и "проценты", чтобы добиться высшего образования, права жительствова. И в большом городе, в его большой жизни, вдали от семейного круга, я обнаружил путь и потребность, которая зрела во мне еще с детских лет, там, в еврейском "гетто" - потребность в протесте и борьбе против притеснения и преследования. И тогда я добровольно вступил в лагерь русских революционеров и служил ему с преданностью из всех моих сил. Верой и правдой, не за страх, но за совесть. Всего себя я посвятил этому служению, все, что было в моих силах. Русская литература, наука, искусство и музыка раскрыли предо мной всю глубину страдания русского народа. Страдания евреев переплетались и соединялись с ними. Будучи изначально далеким от этих страданий, я все больше и больше видел их, все больше и больше слышал их.... В результате этого влияния, я, как и многие люди моего круга, удалялся все дальше от своего многострадального народа, пока не оторвался и не ушел от него окончательно".

В студенческие годы принял участие в революционном движении. Сначала был социал-

демократом, потом стал членом партии социалистов-революционеров (партийная кличка Мартын). Из института был исключен за участие в студенческих волнениях 1899 года. Последовала ссылка в Екатеринослав. Тут он работал сначала чертежником на Александровском Южно-Российском металлургическом заводе Брянского Акционерного общества (ныне завод им. Петровского), потом - на Екатерининской железной дороге.

Осенью 1900 года был восстановлен в институте и закончил его с отличием.

В самом начале 1900-х годов П. Рутенберг женился на Ольге Хоменко - участнице революционного движения, владелице издательства «Библиотека для всех». Для вступления в брак с Ольгой Хоменко (с которой впоследствии имел троих детей) принял православие. Так Пинхас превратился Петра, в Петра Моисеевича Рутенберга. Уже в эмиграции, в синагоге Флоренции, Пинхас, выполнит средневековый обряд покаяния отступника - получит 39 ударов бичом и вернется к вере своих отцов.

В 1904 году П. Рутенберг стал руководителем инструментальной мастерской Путиловского завода. Через своего приятеля, известного эсера Бориса Савинкова, установил связь с Боевой организацией эсеров. Тогда же на заводе познакомился с попом Георгием Гапоном, создавшим при поддержке Плеве и Зубатова «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», объединившее свыше 20 тысяч рабочих. Эта организация привлекла к себе внимание революционеров, и П. Рутенберг стал ближайшим соратником [Гапона](#).

Георгий Аполлонович Гапон

Говоря о роли Рутенберга в жизни Гапона, Яков Полескин пишет: *«Как невозможно рассказать о Големе из Праги, не упоминая Махарала, так же нельзя рассказать о Гапоне, не упоминая Рутенберга. И как образ Махарала из Праги был бы неполным без упоминания легенды о Големе, так же и рассказ о личности Рутенберга не будет полным и исчерпывающим без истории Гапона»*. Даже если признать подобную оценку преувеличением, нужно отметить, что Рутенберг стал ближайшим другом Георгия Гапона среди революционеров, и что именно благодаря близости к этому популярному среди рабочих лидеру, Рутенберг превратился в заметную фигуру в партии эсэров.

От рабочих-путиловцев Рутенберг узнал, что Гапон собирается организовать шествие к Зимнему Дворцу, чтобы вручить царю петицию о страданиях народа. Он сообщил об этом руководству своей партии, которое велело ему принять участие в шествии. Рутенберг

вспоминал, что после того, как стало известно, что казакам раздали боевые патроны, он советовал Гапону изучить возможные пути к отступлению. Тот, однако, был уверен, что шествие завершится спокойно, царь не может разогнать мирную демонстрацию собственного народа.

«Гапона я увидел только утром девятого января. Я обнаружил его стоящим среди рабочих, бледного, потерявшего самообладание и сомневающегося. “Святой отец, есть ли у вас какой-то реальный план?” - спросил я. “Вовсе нет” - был его ответ. “Но, вероятно, солдаты могут открыть огонь?” - сказал я. “Нет, не думаю”, - ответил Гапон неуверенным голосом. Я достал из кармана план Петербурга, со всеми отметками, которые подготовил. Я предложил самые подходящие, по моему мнению, пути для шествия. Если солдаты откроют огонь, будет нужно строить баррикады на улицах, захватить оружие на ближайших складах и всеми путями пробиваться к Зимнему. План был принят. Мы пошли в соседнюю церковь и взяли кресты и хоругви. Гапон немного успокоился. Во дворе уже собралась большая толпа народа. Ко мне стали обращаться за указаниями. Группа рабочих спросила: “Кресты и хоругви есть, не стоит ли взять портреты царя?” Я посоветовал не делать этого».

Более ста тысяч человек шли колоннами с разных концов города. События, однако, повернулись не так, как предполагал Гапон. Казаки стали расстреливать манифестантов. Несколько сот человек погибло. В этой ситуации сохранивший самообладание Рутенберг фактически спас жизнь Гапона, выведя его из-под огня. Сбрив ему бороду и длинные волосы и переодев в простую одежду, Рутенберг увел Гапона на одну из тайных квартир. Сменив несколько адресов, Гапон оставался некоторое время у Максима Горького, после чего его вывезли за границу.

В эмиграции Гапона ждал теплый прием, он был желанным гостем у Плеханова, Ленина, Кропоткина, [Жореса](#), Клемансо. Социал-демократы и социал-революционеры боролись за влияние над популярным рабочим вождем. Социал-демократия с ее идеологическими программами была чужда Гапону, он, однако, продолжал поддерживать доверительные отношения с эсэром Рутенбергом, который говорил, что практическая борьба гораздо важнее идеологии. Оба были вовлечены в неудачную попытку контрабанды оружия на судне «Джон Крафтон» для боевой организации эсеров, в результате чего Рутенберга, который, вернувшись в Россию, должен был встречать судно, арестовали, но вскоре отпустили.

В начале 1906 года один из руководителей Тайного управления полиции ("Охранки"), [Петр Рачковский](#), пытается завербовать Рутенберга через Гапона, вернувшегося в самом конце 1905 года в Россию и поселившегося в финском Териоки (ныне Зеленогорск) близ Петербурга. Гапон доверительно рассказывает об этом своему товарищу, утверждая, что, будучи двойными агентами, они смогут оказать большую помощь рабочему делу. Рутенберг, однако, не имел намерения становиться двойным агентом. Предложение о сотрудничестве с Департаментом полиции потрясло и оскорбило его. После первой встречи с Гапоном в январе он заболел и слёг. Не желая, чтобы отношения с Гапоном бросили тень на него в глазах партийных товарищей, он сообщил о провокации одному из руководителей партии, [Евгению Азефу](#) (который сам был провокатором и двойным агентом) и его заместителю Борису Савинкову; оба находились в Гельсинфорсе (Хельсинки). Азеф потребовал казнить Гапона, возможно, из опасения, что наличие второго агента повлияет на его собственную роль. Политическое руководство партии в лице ее главы Виктора Чернова отнеслось к этой затее сдержанно и не желало предпринимать такой шаг на основании лишь утверждений Рутенберга. Было решено организовать тройную встречу Рутенберг-Гапон-Рачковский, в ходе которой Рутенберг при

помощи опытного террориста Иванова убьет Гапона и Рачковского. Сам факт встречи послужил бы доказательством связи Гапона с Рачковским. Встреча была намечена на 4 марта 1906 года в одном из петербургских ресторанов, однако Рачковский, видимо, предупрежденный Азефом о покушении, туда не явился. Убийство не состоялось. Рутенберг доложил Азефу о случившемся, тот, однако, обрушился на него с обвинениями в мягкотелости и нарушении партийной дисциплины.

26 марта Рутенберг пригласил Гапона на снятую заранее дачу в Озерках (поселок к северу от Петербурга), где тот был повешен тремя боевиками партии. Тело его было обнаружено только через месяц. Руководство партии отказалось взять ответственность за преступление, заявляя, что Рутенберг действовал по собственной инициативе, исходя из личных мотивов. Эту позицию партия сохранила даже после разоблачения Азефа. Охранка также не торопилась обнародовать свою версию. Позднее сам Рутенберг писал, что Гапон был приговорен к смерти товарищеским судом рабочих, которые подслушивали его разговор с Гапоном, спрятавшись в соседней комнате на даче. После того, как Гапон несколько раз повторил предложение Охранки о сотрудничестве, Рутенберг неожиданно позвал слышавших все товарищей. Сам Рутенберг, не желая принимать участие в казни, вышел на террасу. Когда он вернулся, Гапон был мертв.

Повешенный поп Гапон

Большинство серьезных историков согласно, что Рутенберг действовал по заданию Азефа, считая, что выполняет волю ЦК партии. Некоторые подробности, однако, остаются спорными. Поставил ли Азеф в известность Департамент полиции о готовящейся расправе над Гапоном и Рачковским? Чем мотивировались действия Азефа? Действительно ли политическое руководство эсеров не знало о готовящемся убийстве Гапона (без Рачковского)?

Версия Рутенберга была изложена в 1909 году в его статье. Этой же версии он придерживался и в изданной в Ленинграде в 1925 г. брошюре, посвященной 20-летию революции 1905 года. Интересно, что воспоминания начальника Охранки А.В. Герасимова в общем подтверждают слова Рутенберга. Он был невысокого мнения о моральных качествах Гапона, но с уважением писал о Рутенберге: "Этому тщеславному человеку (Гапону) было лестно вновь и вновь слышать подтверждения своих героических подвигов; однако и более реальные радости имели для него привлекательность. ...Эти сведения говорили мне, что судьба революционера Гапона не должна меня особенно заботить. Он не грозит никакой опасностью государственному порядку. ...Рутенберга же я знаю лично; во время одного допроса я обстоятельно наблюдал его и вынес впечатление, что это непреклонный человек и убежденный революционер. Смешно поверить, чтобы его удалось склонить на предательство и полицейскую работу". Герасимов упоминает, что

якобы Рутенберг планировал застрелить царя 9 января 1905 г., однако других свидетельств о подобном плане нет: "Внезапно я его (Гапона) спросил, верно ли, что 9 января был план застрелить государя при выходе его к народу. Гапон ответил: "Да, это верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нем гораздо позже. Это был не мой план, но Рутенберга... Господь его спас..."

В 1906 году Рутенберг был вынужден отправиться в эмиграцию, где начался новый этап в его жизни.

Вот как он сам десять лет спустя характеризовал революционный период своей жизни:

«Как и большинство еврейской учащейся молодежи моего поколения, молодежи из черты оседлости, я должен был преодолевать “нормы” и “проценты”, чтобы добиться высшего образования, права жительства. И в большом городе, в его большой жизни, вдали от семейного круга, я обнаружил путь и потребность, которая зрела во мне еще с детских лет там, в еврейском “гетто” - потребность в протесте и борьбе против притеснения и преследования. И тогда я добровольно вступил в лагерь русских революционеров и служил ему с преданностью изо всех моих сил. Верой и правдой, не за страх, но за совесть. Всею себя я посвятил этому служению, все, что было в моих силах. Русская литература, наука, искусство и музыка раскрыли предо мной всю глубину страдания русского народа. Страдания евреев переплетались и соединялись с ними. Будучи изначально далеким от этих страданий, я все больше и больше видел их, все больше и больше слышал их.... В результате этого влияния, я, как и многие люди моего круга, удалялся все дальше от своего многострадального народа, пока не оторвался и не ушел от него окончательно».

Рутенберг поселился в Италии, где жили тогда многие политэмигранты, включая Максима Горького (кстати, Рутенберг стал прототипом героя одной из его повестей), чей дом на Капри был своеобразным салоном для русских революционеров. Он поддерживал контакты также с итальянскими политиками, в основном левого толка. Тогда же он подружился с будущим дуче [Бенитто Муссолини](#).

Но в целом Рутенберг в этот период отходит от политической деятельности и сосредотачивается на инженерной работе. Он осваивает новую для себя область гидротехники. Рутенберг вспоминал, что в Италии его душа нашла успокоение, он покинул узкую среду политэмигрантов, судьба каждого из которых была по-своему трагична. Он общается с разными людьми, пересматривает взгляды на человеческие отношения и на многие ценности. Тогда же он впервые обращается к специфическим еврейским проблемам:

«В то время, еще задолго до войны, встали предо мной следующие вопросы. Почему я, культурный человек, обладающий определенным авторитетом, почему я стесняюсь своего “еврейского происхождения” и пытаюсь всеми силами и способами скрыть его от неевреев? Почему так же поступают очень многие другие евреи, люди, без сомнения обладающие уважением и авторитетом? Почему неевреи, те люди, к которым я отношусь с большим уважением, даже близкие мне, мои товарищи революционеры, за единичными исключениями, почему и они не

“любят” евреев, почему они в глубине души – антисемиты? Почему этот антисемитизм, в той или иной форме, существует не только в России, где есть так много бесправных, преследуемых и унижаемых евреев, но и в других странах, где евреев мало и они имеют все гражданские права?»

Рутенберг приходит к выводу, что еврейский вопрос может быть решен только путем национальной организации еврейского народа.

С началом мировой войны большинство сионистов, разочарованных в политике Турции, выступает в поддержку стран Антанты. Рутенберг выступает с идеей создания боевой организации «Pro Cousa Ebraica» («За еврейское дело»), задачей которой будет помочь союзникам освободить Палестину. Он посещает ряд европейских столиц, встречается с видными политиками и руководителями сионистского движения. Идея создания еврейских боевых отрядов была поддержана не всеми. Многие полагали, что сионистское движение должно сохранять нейтралитет, поскольку открытая поддержка Антанты может привести к катастрофическим последствиям для находившихся под контролем Турции еврейских колоний в Палестине, а также для евреев Германии и Австро-Венгрии. Одним из противников Рутенберга стал [Хаим Вейцман](#). Рутенберг вступает в контакт с Зеевом [Жаботинским](#), который совместно с [И. Трумпельдором](#) также работал над организацией «Еврейского Легиона». По согласованию с Жаботинским Рутенберг решает отправиться в Америку с целью агитации среди самой большой и влиятельной общины среди нейтральных стран.

История создания Еврейского легиона, или, как его еще называли, Отряда погонщиков мулов, давно стала хрестоматийной. Прибавить что-то новое к событиям, основательно и подробно описанным самими их непосредственными участниками, включая книгу командира еврейских легионеров полковника Д. Паттерсона «With the Zionist in Gallipoli» (1916) или воспоминания В. Жаботинского «Слово о полку» и «Повесть моих дней», вроде бы невозможно. Тем не менее, инициатива Пинхаса Рутенберга в этом отношении, как кажется, до конца недооценена, хотя она была, по всей видимости, более ранней, чем инициатива самого Жаботинского. Существует, пожалуй, только одна статья израильского историка М. Минца, в которой дается серьезный анализ деятельности Рутенберга как одного из главных инициаторов и создателей Легиона – «Йозмат Пинхас Рутенберг ле-акамат гдудим ивриим им протц милхемет а-олам а-ришона» («Инициатива Пинхаса Рутенберга в формировании еврейских военных отрядов в начале первой мировой войны»). Статья написана на труднодоступном для широкого читателя иврите и в России почти неизвестна. Публикуемые далее письма Рутенберга Д. Гольдштейну в ней упоминаются, но сами по себе, написанные на русском языке, не приводятся. На самом деле рутенберговских писем гораздо больше, но для иллюстрации тех проблем, которые волновали их автора, мы выбрали лишь два.

Проблемы эти сводились к тому, чтобы в связи со вспыхнувшей первой мировой войной евреи – из тех, кто пассивно мечтал о Палестине или добивался ее по дипломатическим каналам, – превратились бы в тех, кто способен завоевать ее с оружием в руках. «Параллельно с дипломатической активностью, проявленной сионистами в союзных столицах, – писал по этому поводу далекий от сионизма М.В. Вишняк в книге о Х. Вейцмане, – в более молодых, но не менее энергичных головах русских сионистов за

границей возникла мысль подкрепить еврейские притязания на Палестину физической силой. Владимиру Жаботинскому, Иосифу Трумпельдору, Пинхасу Рутенбергу пришло в голову образовать особый отряд или легион из евреев-добровольцев, которые бились бы на стороне Антанты за еврейскую Палестину. Эта идея шла в прямой разрез с традиционной для сионизма, еще с герцлевских времен, политикой нейтралитета во внешних и внутренних делах различных государств».

Рутенберг, живший как политический эмигрант в Италии, которая должна была вступить в войну, но еще не сделала свой окончательный выбор, на чьей стороне она выступит – то ли стран тройственного согласия, то ли Германии, стремился сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить итало-германский союз. Пока же итальянцы сохраняли нейтралитет, нельзя было рассчитывать на поддержку официальными кругами еврейского военного формирования, которое выступило бы на стороне Англии. Да и сами эти «официальные круги», в которых основной расчет Рутенберга был естественным образом связан с представителями еврейства, в целом не оправдали его надежд. Имевшие какой-нибудь вес на политической арене итальянские евреи были, как правило, далеки от сионизма и равнодушны к нему, как, например, Луиджи Люццатти (1841–1927), депутат и сенатор, возглавлявший в 10-х годах Министерство финансов (а затем сельского хозяйства). В ноябре 1914 году Рутенберг, посредством сочувствующего сионизму Анжело Сюллама встречался с Л. Люццатти в Генуе. Несмотря на то, что обильных результатов эта встреча не принесла, Рутенберг в будущем, когда отправится в Америку, воспользуется рекомендательными письмами, данными ему Люццатти.

Рутенберг именно с Италией связывал будущие широкие планы строительства еврейского государства в Эрец-Исраэль. Во втором из публикуемых писем, написанном из Генуи в Милан, он просит своего корреспондента Д.Р. Гольдштейна отправиться в Швейцарию и привезти оттуда [Х.-Н. Бялика](#), чтобы с его помощью повлиять на еврейскую общественность Италии в ожидании решающих событий. Первое же письмо отправлено из Англии, куда он отправился располагать европейское общественное мнение к идее создания Еврейского легиона. Там, в туманном Альбионе, где далеко не все сочувственно относились к этому проекту, он был даже арестован за излишний агитационный энтузиазм, пришедший в столкновение с суровыми английскими законами.

Не станем излишне идеализировать политическую дальновидность и реалистическое мышление нашего героя. По первоначальному плану военное еврейское формирование виделось Рутенбергу более чем туманно. В рамках нового – еврейско-сионистского – проекта он действовал неловко, как новобранец, без глубокого знания той реальности, которую декларировал как свою кровную, но которую на самом деле понимал с трудом. Основная ставка в мобилизации участников замышленного им отряда делалась на русских евреях, студентов итальянских и швейцарских университетов. Эта идея оказалась почти полностью неосуществимой по той простой причине, что данная категория молодежи, далекая от сионистских идеалов, вовсе не собиралась проливать кровь за крайне далекие и абстрактные для них цели. Судьба Эрец-Исраэль, мало волновавшая студентов-евреев из России и почти не находившая сочувствия у итальянских евреев, тем более была чужда итальянскому правительству, не спешившему ввязываться в военные действия: Италия до

определенного времени сохраняла нейтралитет и вступила в войну на стороне Антанты только 23 мая 1915 года.

Несмотря, однако, на все разочарования и неудачи, деятельность Рутенберга по созданию Еврейского легиона никак нельзя назвать бесполезной или бесплодной. Напротив, в скором времени она принесла свои плоды, пусть и с «поправкой» на реальные жизненные условия и обстоятельства.

О создании Еврейского легиона знали и в России, и вовсе не только в еврейских кругах. Живший в это время в Италии и друживший с Рутенбергом писатель [А.В. Амфитеатров](#), который был корреспондентом одной из крупнейших российских газет «Русское слово», сообщал телеграммой из Рима:

Из Милана мне сообщают дополнительные сведения о движении евреев в пользу создания Палестинского государства.

Образуется особый еврейский легион для будущей экспедиции англичан в Палестину. Ядро легионеров образуют американские евреи, эмигрировавшие из России, и к ним присоединяются добровольцы из всех европейских стран. В Милане русские студенты-евреи почти все записались в легион и ждут только для открытия действий нарушения Италией нейтралитета.

Из Каира мне также пишут об образовании еврейского легиона как о деле решенном, вполне одобренном английскими военными властями.

То же самое сообщил мне и инженер Рутенберг, который отложил свою поездку в Америку и недавно приезжал в Рим. Он рассказывал много интересного о симпатиях, которые встречают еврейские надежды в нейтральных странах, в особенности в Италии.

Из всех этих разнообразных сведений можно, видимо, заключить, что дело действительно на ходу

В мае 1915 г. Пинхас Рутенберг прибывает в Нью-Йорк. Здесь он оказался втянут в политическую борьбу еврейских организаций, которые намеревались создать структуру, способную сформулировать требования сионистов после победы союзников в войне. Рутенберг в основном поддерживает связь с левыми организациями, такими как «[Поалей Цион](#)», с [Давидом Бен-Гурионом](#), [Ицхаком Бен-Цви](#), [Бером Бороховым](#). Он вступает в контакт с [Хаимом Житловским](#), и вместе они участвуют в создании [Американского Еврейского Конгресса](#). Тогда же Рутенберг под псевдонимом Пинхас Бен-Ами издает на идиш свою книгу «Национальное возрождение еврейского народа», написанную им по-русски в Италии.

Будучи в Америке, Рутенберг разработал детальный ирригационный план для Палестины и план использования гидроэнергии. Претворение этого плана в жизнь становится его мечтой.

Сообщение о Февральской революции в России застало Рутенберга в Соединенных Штатах, где он собирал среди евреев деньги для реализации своих и Жаботинского планов. Обстоятельства сложились так, что он одним из первых из политических эмигрантов вернулся в Россию, в Петербург. Тот факт, что Рутенберг устремился в Россию, как только у него появилась возможность, опять же свидетельствует о том, что он не порвал идейно с прошлым, что все еще надеялся своим участием в Революции способствовать освобождению своего народа, евреев России. Вот как биограф описывает этот период жизни Пинхаса Рутенберга .

[21]: В феврале 1917 года царский режим в России пал. Рутенберг был одним из многих эмигрантов, приветствовавших революцию и желавших вернуться в Россию. Когда в Нью-Йорк прибыл посланник нового правительства Борис Бахметьев, представители русской эмиграции организовали ему восторженную встречу в зале Мэдисон-Сквер-Гарден. Рутенберг был избран председателем собрания. В этом мероприятии участвовали и еврейские активисты, например, редактор газеты "Форвертс" Эйб Каган, однако, по понятным причинам, представители сионистского лагеря большого интереса к нему не проявили.

Благодаря своим связям, Рутенберг смог покинуть Нью-Йорк на одном из первых направлявшихся в Россию пароходов уже в июле 1917 г. В Петрограде его тепло встретил соратник по партии эсеров Александр Керенский, возглавлявший Временное Правительство и нуждавшийся в энергичных единомышленниках.. Несмотря на 12-летнее отсутствие в России и фактический отход от деятельности эсэров, уже через несколько дней Рутенберг был назначен заместителем главы города.

К осени возглавлявшийся Троцким петроградский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов стал органом власти, альтернативным рутенберговской городской Думе. Было ясно, что Советы намерены захватить власть и сместить Временное правительство. 21 октября (3 ноября) Керенский объявил о создании Высшего совета, наделенного чрезвычайными полномочиями с целью сохранения законности и порядка в составе трех человек: министра внутренних дел Кишкина, генерала Пальчинского и Рутенберга. Позже Рутенберг вспоминал, что предлагал Керенскому арестовать и казнить двоих – Троцкого и Ленина. Кто знает, прояви тогда Керенский решительность, может, история сложилась бы по-другому.

Ненависть Рутенберга к большевикам была взаимной. Вот строки из составленного Троцким и Антоновым-Овсеенко обращения Петросовета от 28 октября (10 ноября):

«Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина, сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга, черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии».

Во время штурма Зимнего Рутенберг был в числе последних защитников резиденции Временного правительства. 8 ноября он был арестован вместе с «министрами-капиталистами» и посажен в Петропавловскую крепость. Там он оказался рядом с бывшими политическими противниками: черносотенцем Пуришкевичем и бывшим министром юстиции Щегловитовым, одним из организаторов дела Бейлиса. Вот что писал

сионистский активист и друг Рутенберга Нахман Сыркин: *«Интересные вещи рассказывает Рутенберг о встречах и знакомствах, приобретенных в заключении. Там был известный министр царских времен Щегловитов, знаменитый антисемит Пуришкевич и другие подобные “фрукты”. Отношения между братьями по несчастью были приличные, вежливые, как подобает джентльменам. Вместе с этим, они говорили друг другу правду открыто и в лицо. “Будь это в моих силах, я бы подвел ваше почтение под расстрел в 24 часа” – такой репликой завершилась дружеская беседа с Пуришкевичем».* Сионист Н. Бару, посетивший Рутенберга в тюрьме, рассказывал, что тот не изменил своему привычному образу. Первыми словами, обращенными к посетителю в камере, были: *«Чем я могу быть полезен господину?»*

В марте 1918 года, когда немецкие войска приблизились вплотную к Петрограду, большевики освободили многих заключенных, в том числе и Рутенберга. Он отправился в Москву, где занял пост в кооперативном движении, объединявшем производителей, которые не подверглись национализации сразу после революции. Помимо этого, Рутенберг уделяет внимание и сионистскому движению.

После неудачного покушения Фани Каплан на Ленина в августе 1918 года был развязан «красный террор» против эсеров. Рутенберг спешно покидает Москву и отправляется в Киев, столицу независимой Украины. Оттуда он направился в Одессу, где поступил на службу в качестве министра снабжения белого правительства, действовавшего под покровительством французской армии.

Там он вошел в сформированный 23 марта командованием занимавших в это время Одессу французских войск Комитет обороны и продовольствия. По воспоминаниям [К. И. Глобачева](#) Рутенберг играл в Совете обороны решающую роль и «подавлял прочих членов Совета обороны своей наглостью, безапелляционностью своих решений и авторитетом своей партийности»^[2].

В ночь со 2 на 3 апреля Рутенберг присутствовал при встрече представителей одесского Совета рабочих депутатов с французским командованием, на которой были оговорены условия перехода власти в городе от французов к большевикам. Уже когда стало известно о скорой эвакуации французских войск, Рутенберг настаивал на аресте рабочих организаций города, на что не соглашался ранее. По мнению Глобачева, такие действия Рутенберга имели провокационный характер. 10 апреля 1919 Рутенберг эвакуировался из Одессы на пароходе «Кавказ».

Вместе с другими белоэмигрантами он вынужден перебраться в 1919 г. в Стамбул, а затем в Париж, где в это время руководители сионистского движения готовили свои требования державам, собравшимся на Версальскую мирную конференцию. [Нахман Сыркин](#) вспоминал, что появление в Париже Рутенберга, с которым он расстался в Нью-Йорке за два года до этого, было подобно воскрешению из мертвых. Все были уверены, что он расстрелян большевиками, слух об этом распространился за несколько месяцев до того.

Неожиданное возвращение в Россию Рутенберга, давно отошедшего от российской политики, и назначение его на руководящий пост во Временном правительстве, как и

бегство из большевистской России, является, пожалуй, самым загадочным поворотом его биографии.

В Париже он возвращается к своей идее электрификации Палестины. Для реализации этого плана требовались инвестиции, и требовалось получить концессию. Рутенбергу удается вступить в контакт с престарелым Эдмондом Ротшильдом, который рекомендует его своему сыну, британскому финансисту Джеймсу Ротшильду. Благодаря этому ему удается собрать десятки тысяч фунтов на свой проект.

В конце 1919 года сорокалетний Рутенберг совершает алию. В его планы входит строительство сети электростанций в Палестине. Однако первой проблемой, с которой он столкнулся в 1920 году стали беспорядки арабов, протестовавших против планов англичан создать еврейский национальный очаг в Палестине. В апреле беспорядки переросли в погромы. Ответом стало создание Жаботинским и Рутенбергом отрядов самообороны (["Хаганы"](#)). Жаботинский вскоре был арестован британскими властями.

Рутенберг не прекращает работы по получению концессии и поиска инвестиций для строительства электростанций. У него была идея осушить малярийные болота долины озера Хула в верхней Галилее, превратив их в плодородные земли, и после этого использовать значительный перепад уровня воды между Мейромом и Кинеретом (700 футов на 15 миль) для получения электроэнергии. Этот план был принят экономической комиссией при Сионистской организации. Одним из политических препятствий на пути этой программы стала демаркационная "линия Пико-Сакса", разграничивавшая французскую и английскую зону оккупации. Эта линия была основана на тайном соглашении 1916 года, т.е. до захвата союзниками Палестины и Сирии у Турции. В соответствии с ней, верхняя Галилея и часть Иорданской долины попадали во французскую зону. Фактически это означало, что Палестина, не имеющая запасов нефти или угля, оказывалась полностью лишенной источников энергии. Лидеры сионистов стремились мобилизовать свое влияние в Англии и США, чтобы добиться отмены линии Пико-Сакса, делившей историческую страну Израиль на две части. [Луи Брандайс](#) обращался в начале 1920 г. к президенту Вудро Вильсону с просьбой принять во внимание интересы сионистов и британскую декларацию Бальфура от 1917 г., согласно которой в Палестине должен быть создан еврейский национальный очаг. При обсуждении вопроса о границах и о водных ресурсах проект Рутенберга по использованию водной энергии играл роль ключевого аргумента. В результате переговоров и уточнений границы в 1920 г. (некоторые корректировки границ продолжались до 1924 г.) Франция отказалась передать Британии бассейн реки Литани и Голанские высоты, но согласилась на отдачу верхней Галилеи, верховий Иордана и части р. Ярмук. По согласованной тогда линии проходят

сегодняшние международно признанные границы Израиля с Ливаном и Сирией. Следующей задачей Рутенберга стало получение от британского правительства концессии на строительство небольшой ГЭС на Ярконе в районе Тель-Авива.. Министром колоний, от которого во многом зависело решение этого вопроса, был Уинстон Черчилль, с которым Рутенберг уже встречался в Лондоне. Черчилль лично посетил Палестину в 1921 г. в сопровождении барона Джеймса Ротшильда и ознакомился с деятельностью Рутенберга. В 1922 году Рутенберг, заручившись поддержкой сионистского руководства в Палестине и британского губернатора Герберта Самуэля, отправляется в Америку для поиска инвестиций. Американское еврейство было поглощено внутренними проблемами и разделено на два лагеря: сторонников Брандайса и сторонников Вейцмана. Рутенберг в целом встретил теплый прием, хотя некоторые левые бундовские газеты осуждали его «контрреволюционную» роль в событиях 1917-19 годов в России.

В это время вспыхнул скандал в связи с концессией. Британские газеты и ряд политических деятелей обвинили правительство в том, что концессия предоставляется иностранному, русскому предпринимателю якобы с нарушением интересов британских компаний. Одной из причин было опасение, что Рутенберг закупит оборудование в Германии, а не в Англии. Лорду Бальфуру и Черчиллю пришлось давать объяснения по этому вопросу в Палате Лордов. Показателен следующий диалог:

Депутат: *«Соответствует ли действительности опубликованное The Times сообщение, что г. Рутенберг – один из самых опасных русских революционеров, что он убил священника Гапона сразу после первой русской революции?»*

Уинстон Черчилль: *«Уважаемый депутат не может требовать от меня сообщить ему полную биографию инженера Рутенберга, поскольку это не входит в круг моих обязанностей. Однако я могу с точностью утверждать, что было бы безумием считать г-на Рутенберга большевиком. Г-н Рутенберг был изгнан из России именно из-за своего активного сопротивления большевизму и его учению».*

Рутенберг сумел преодолеть все препятствия, и в 1923 году была создана Палестинская Электрическая Компания. Тогда же появилась первая электростанция, и электричество пришло в Тель-Авив. В 20-е годы электрические столбы и линии электропередач становятся новым элементом пейзажа страны Израиля. К электросети подключается Хайфа, Тверия и другие города. В 1930-м году строится сравнительно крупная электростанция в Нахараиме, в месте впадения Ярмука в Иордан. «Старик из Нахараима» - под таким прозвищем стал известен Рутенберг среди еврейских колонистов.

Рутенбергу удалось привлечь в совет компании многих именитых британских политиков: лордов Самуэля, Рэдинга, Хирста.

П. Рутенберг (второй справа) в Палестине. 1930-е годы.

Рутенберг был одним из инициаторов создания национальной авиакомпании «Нетивей Авир Эрец Исраэлим» и строительства тель-авивского морского порта. В 1930-х гг. Рутенберг сотрудничал с И.Л.Магнесом, М.Новомейским, М.Смилянским с целью выработать программу арабо-еврейского взаимопонимания, приемлемую для обеих сторон, но эти попытки закончились неудачей. Рутенберг пытался также сгладить разногласия между сионистско-социалистическим рабочим движением и ревизионистами; благодаря его посредничеству их лидеры Д.Бен-Гурион и В.Жаботинский пришли в 1934 г. к соглашению. В сентябре 1939 г. в период осуществления британской администрацией положений «Белой книги» и начавшейся II мировой войны Рутенберг был избран президентом «Ваад Леуми». В августе 1940 г. он ушел в отставку, так как, не будучи членом никакой политической партии и не имея политической поддержки, не мог принимать самостоятельных решений. В ноябре 1940 г. в своем публичном обращении «К ишуву», которое он написал по-русски, а затем выучил наизусть переведенный для него на иврит текст с огласовками, Рутенберг призывал ишув к национальному единению, выступал против классовой борьбы и требовал равных прав для жителей ишува не принадлежащих к рабочему движению. В начале 1941 г. у Рутенберга обнаружили тяжелое заболевание, и он был перевезен из Хайфы, где жил, в Иерусалим. Своим весьма значительное состояние он завещал на создание Фонда Рутенберга, который должен был способствовать просвещению еврейской молодежи. Позже эти средства были использованы на строительство Хайфского университета. В доме Рутенберга, на горе Кармель открыт Молодежный центр.

Дом Рутенберга в Хайфе

Британские власти использовали Рутенберга для установления неформальных контактов с Муссолини: во время одной из многочисленных поездок в Европу Рутенберг встречался в Риме со своим давним знакомым, теперь итальянским диктатором.

С началом Второй мировой войны Рутенберг вновь становится главой Национального совета. Он пытается предпринять меры для спасения немецких евреев. Однако здоровье его ухудшается, и в 1942 году Рутенберг умирает в Иерусалиме.

<http://berkovich-zametki.com/Nomer8/MN19.htm>

<http://www.lechaim.ru/ARHIV/192/hazan.htm>

<http://booknik.ru/reviews/non-fiction/?id=28488>

<http://www.ivrus.biz/encyclopedia.php?id=410&t=208>

<http://www.antho.net/museum/khinich/14.php>